

Глава 72. Их детство (4)

Когда на душе тяжело, хуже всего — остаться одному и без дела, позволяя мыслям крутиться по кругу.

Дрейтон прекрасно это понимал, но не стал говорить об этом прямо. Вместо этого он, как в обычном дружеском разговоре, подкидывал тему за темой — близкие к повседневной жизни обычных людей, такие, чтобы занять голову и незаметно увести мысли Ли Вэй в сторону, не давая ему снова и снова возвращаться к тяжёлым вопросам, где легко увязнуть.

К счастью, Ли Вэй охотно подыгрывал. Сначала они говорили об устройстве торгового центра, потом — о ближневосточной еде; от неё перескочили к странам, куда Дрейтон ездил с официальными визитами за последние годы, а затем разговор сам собой свернул к его семье и карьере.

Ли Вэй спросил, как он собирается разбираться с ударом в спину от ЦРУ, и Дрейтон, не желая сводить всё обратно к мрачной реальности, ответил:

□ Не о чем беспокоиться. Некоторые чиновники в ЦРУ, конечно, идиоты, но даже их нижняя планка интеллекта не настолько катастрофична, как у моего отца. □

Добившись того, что Ли Вэй заинтересовался, он продолжил:

□ Мой отец за всю жизнь не дочитал до конца ни одной книги. Единственным его достоинством было то, что от деда ему досталась молчаливость, но дед молчал потому, что плохо подбирал слова, а отец — потому, что в голове у него было пусто.

В двадцать лет, стараниями моих бабушки и дедушки, он стал полицейским. Через тридцать лет, при той же деятельной поддержке бабушки и дедушки, он всё ещё оставался полицейским. Единственное, что в нём изменилось, — это живот. Он становился всё больше, пока моя мать однажды, после сытного обеда, не выдержала и не развелась с ним. □

Ли Вэй прислал эмодзи с потрясённым выражением — неудивительно, подумал он, что Дрейтон иногда упоминал бабушку с дедушкой, но почти никогда не говорил о родителях.

□ Ни от одного коллеги ты этого не узнаешь. Они знакомы лишь с подвигами старшего поколения, а если я когда-нибудь и напишу мемуары, то уж точно не включу туда такое. Так что теперь об этом знаешь только ты. □

□ Моя мать — школьная учительница. Классом она командовала как армией и требовала, чтобы каждый ребёнок действовал строго по её правилам. Но при этом она любила красивых людей, поэтому в молодости вышла замуж за моего свободолюбивого отца. В последующие десятилетия она металась между сожалением и удовлетворением — до тех пор, пока его живот не стал больше, чем был у неё во время беременности. □

□ Ты, наверное, помнишь, как при нашем знакомстве я убеждал тебя носить костюмы. Если тебе не повезёт встретиться с моей матерью, она добьётся этого способом, который поразит тебя ещё сильнее. Мой дед всю жизнь побаивался мою мать и ещё до моего рождения сказал бабушке: «Если этот ребёнок унаследует мозги отца и характер матери, то к «Гамлету», «Королю Лиру», «Макбету» и «Отелло» придётся добавить пятую великую трагедию — Дрейтон». □

Ли Вэй: охренеть.

Потом он написал:

□А ты, значит, унаследовал внешность отца и мозги матери?□

Дрейтон: □Спасибо, что пощадил меня.□

Уголки губ Ли Вэя дёрнулись, и он чуть не рассмеялся вслух.

Стиль переписки у Дрейтона был таким же, как он сам — серьёзным и сдержанным, и Ли Вэй так и не мог понять, где тот излагает чистую правду, а где совершенно серьёзно пытается его развеселить.

□Впрочем, мои бабушка с дедушкой по отцу и по матери — очень хорошие люди. В тот день, когда ты пришёл ко мне домой с Тобом, я сказал, что моя бабушка непременно полюбила бы тебя, — и это была чистая правда. Тоб немного подрос, я отправил бабушке видео, где он бегаёт по лужайке, и она ответила, что Тоб озарил своим присутствием весь мой дом.□

Потом они ещё какое-то время обсуждали собаку — сколько прививок уже получил Тоб, как сильно он успел вырасти, и не забыл ли он ещё Ли Вэя, своего «кормильца, ушедшего на охоту».

Ли Вэй и сам не заметил, когда начал клевать носом.

Путь Дрейтона из Федерации в Дубай даже прямым рейсом занимал почти двенадцать часов, поэтому он заранее заказал для Ли Вэя уединённый отель с просторной территорией и, судя по всему, неприличной роскошью.

Незадолго до того, как глаза у него закрылись, Ли Вэй почему-то думал только об одном — о том легендарном айпаде из чистого золота в двадцать четыре карата, который якобы лежал в королевском люксе этого отеля.

В этом было что-то очень похожее на обещанный нефтяным магнатом золотой автомат, усыпанный бриллиантами.

...

На борту правительственного самолёта Дрейтон отложил телефон и с большим трудом подавил подступающую ярость.

В отличие от Ли Вэя, которому от этого разговора становилось легче, он, напротив, чем дольше разбирал в голове произошедшее прошлой ночью, тем отчётливее видел, насколько всё было опасно.

И ведь этой опасности можно было избежать!

АЗ сам признался: когда он нашёл Ли Вэя, то «увидел, что тот цел и невредим, а вокруг валяются шесть или семь трупов, и тогда только вздохнул с облегчением». Сколько времени прошло от похищения Ли Вэя до того момента, как шесть или семь одержимых дурными намерениями похитителей превратились в трупы? Слишком многое в этой истории оставалось размытым и недосказанным.

С точки зрения Дрейтона, это была спланированная попытка убийства.

Он просидел так с полчаса, не проронив ни слова — не потому, что хотел молчать, а потому,

что боялся сорваться на тех, кто ни в чём не виноват. Ему принесли шампанское, и он залпом осушил бокал. Подчинённые видели его выражение лица и благоразумно не приближались.

Только Тоб лежал на соседнем кресле, поскуливая из-за неприятных ощущений при взлёте и снижении. Дрейтон рассеянно гладил его по голове и тихо обещал:

— Скоро ты увидишь своего папу.

Когда Тоб наконец успокоился, он отнял руку, открыл ноутбук и создал новое письмо. Получателем значился Совет национальной безопасности Белого дома. Подумав немного, он ещё добавил копию в Разведывательное управление Министерства обороны.

□Уважаемая госпожа директор!

Я хотел бы воспользоваться этой возможностью, чтобы поделиться некоторыми проблемами, с которыми мы в последнее время сталкиваемся в сфере обмена разведанными и межведомственного взаимодействия. Эти проблемы потенциально могут повлиять на национальную безопасность. В ходе недавней координации мы обнаружили заметные задержки в передаче информации, а часть критически важной информации не была своевременно доведена до соответствующих подразделений...□

Когда речь шла об утечках чувствительных данных и борьбе за власть, формулировки письма должны были быть предельно осторожными, чтобы не спровоцировать лишних конфликтов и не поставить под удар самого себя.

На то, чтобы собрать подтверждающие материалы и подобрать нужные слова, ушло несколько часов. Всё это время Дрейтон ничего не ел, лишь пил воду. Стюардесса так и не смогла уговорить его взять бортовое питание, и он, не поднимая глаз, указал на Тоба:

— Не нужно мне. Просто принесите ему немного корма.

Ещё через четыре или пять часов Ли Вэй проснулся и написал, что собирается покинуть роскошный отель, чтобы самому немного поискать зацепки по чёрному песку.

Дрейтон: □Подожди. Ты ранен? Отправь мне фотографию.□

Ли Вэй: □Зачем?□

Дрейтон: □Я строчу донос в Белый дом.□

ЦРУ собиралось использовать смерть Ли Вэя как законный повод вмешаться в дела пустыни, а он в ответ собирался использовать чудесное спасение Ли Вэя, чтобы вызвать сочувствие у тех, кто принимает решения.

Отличный, вполне легитимный повод.

Ли Вэй поколебался и ответил:

□Но тяжёлых ран у меня нет. Лучше прямо напиши в письме, что бедуины пытались меня изнасиловать. Это куда сильнее подчеркнёт психологическую травму.□

□...□

Это он просто выспался и пришёл в себя или нарочно пытается замазать серьёзность

произошедшего?

Дрейтон несколько секунд внимательно анализировал и пришёл к выводу, что, скорее всего, и то и другое.

Он переслал Ли Вэю часть связей нефтяного магната, чтобы тот знал, через кого можно искать информацию о чёрном песке.

Спустя некоторое время Ли Вэй прислал знак «получил» и следом — фотографию своей левой руки после снятия повязки.

□Бедуин ткнул ножом. Я отыгрался. Всё остальное было только попыткой.□

До полного заживления там было ещё очень далеко. Боль уже не была особенно сильной, но выглядела рана вполне зверски, и любоваться таким во время еды было противопоказано — аппетит мог исчезнуть надолго.

Дрейтон несколько раз медленно провёл языком по задним зубам и почувствовал, как злость в груди снова разгорается.

Наконец глубокой ночью по дубайскому времени самолёт приземлился в пустынном оазисе.

За последние сутки Дрейтон почти не отдыхал, но держался на кофе и раздражении. Шедший с ним помощник, Джеффри Картер, держался на одном упрямстве и в любой момент мог уснуть прямо на ходу.

— Иди найди, где поспать, — сказал ему Дрейтон. — Поставь будильник на шесть часов. Если случится что-то срочное, я позвоню.

У Дрейтона было много недостатков, но хотя бы в таких вещах на него можно было положиться.

Помощнику не приходилось опасаться, что начальник внезапно от любви потеряет голову, эволюционирует в супергероя и один полезет во вражеское логово.

Поэтому тот быстро кивнул:

— Хорошо, сэр. Вы тоже берегите себя.

Он ушёл, едва не падая с ног от усталости и зевая на ходу.

Понимая, что из-за проклятия Ли Вэй сейчас с едой наверняка осторожничает, Дрейтон, пока вызывал машину, заодно заказал две порции еды на вынос.

Даже Тоб уже начал клевать носом и похрапывал у него на руках.

Когда они подъезжали к условленному месту, Дрейтон безжалостно растолкал его:

— Хватит спать. Твой папа ждёт тебя.

Тоб сонно поднялся, шатаясь на всех четырёх лапах. Уши и шерсть на макушке торчали вкривь и вкось, зато хвост первым делом радостно задвигался.

Дрейтон был доволен. Он угостил его лакомством, аккуратно пригладил шерсть на ушах и тихо

сказал:

— Хороший мальчик. Надеюсь, ты произведёшь на Лили хорошее впечатление.

Чтобы потом он не отказывался оставлять тебя со мной.

Щенок, разумеется, понял из сказанного чуть больше, чем ничего, и только растерянно поднял голову: кто такая Лили?

Но Дрейтон уже не смотрел на него — он сосредоточенно приводил в порядок воротник, глядя в тонированное стекло машины.

Автомобиль свернул на просторную дорогу перед отелем и остановился у отдельно стоящего корпуса.

Отпустив водителя, Дрейтон написал Ли Вэю:

□Я приехал. Ты готов?□

Ли Вэй: □Готов.□

Дрейтон вошёл внутрь.

На кровати в спальне из одеяла торчал аккуратный холм. Завёрнутый туда с головы до ног Ли Вэй, услышав, как открылась дверь, медленно перевернулся и глухо спросил:

— Если я так накрылся, проклятие всё равно действует?

Уже приготовившийся встретить проклятие лицом к лицу Дрейтон: «...»

— Выглядит броско, но нет. Так не действует, — честно ответил он.

Потому что влюбиться в одеяло было всё же затруднительно.

— Тебе не жарко?

— Жарко. Но я боюсь, что простыня слишком тонкая и не спасёт.

Из-под одеяла глухо донёсся голос Ли Вэя:

— Я чувствую запах еды. Ты что, принёс ужин?

— Принёс. Еду навынос.

Дрейтон стоял на месте, в одной руке пакет с едой, в другой — Тоб.

— Я сам тоже не успел поесть. Думал поужинать вместе с тобой... Или, может, мне всё же снять отдельный номер?

— А я думаю, может, ты всё-таки взглянешь и потом скажешь, насколько сильно действует проклятие.

— Судя по всему, неслабо, — не удержался Дрейтон. — В тебя даже агент ЦРУ влюбился.

— И ты уже об этом слышал? Искренности в его любви меньше, чем в слезах супругов,

выходящих из суда после развода.

Ли Вэй соскочил с кровати и, закутавшись в одеяло, принялся ходить взад-вперёд. Немного нервничая, он спросил:

— Так ты будешь смотреть или нет?

Дрейтон невольно крепче прижал к себе Тоба:

— Я...

Но стоило ему чуть сильнее сжать руки, как даже обычно послушный Тоб возмутился. Щенок тьякнул, вырвался из его объятий, шлёпнулся на пол и, бешено виляя хвостом и перебирая всеми четырьмя лапами, помчался к Ли Вэю.

Он его ещё помнил!

Ли Вэй из-под одеяла ничего не видел и только по звукам недоумённо спросил:

— Что там за шум? Ты привёл Тоба?

И тут Тоб, как пушечное ядро, врезался ему в голень!

Строго говоря, четырёхмесячного Тоба уже нельзя было назвать «щенком». Он весил почти десять килограммов, кости у него были длинные и крепкие, а в прыжке он мог дотянуться лапами до пояса Ли Вэя. Поставь такого в Икею — и выйдет крупная плюшевая игрушка, не меньше чем за пятнадцать долларов.

Тоб налетел на Ли Вэя. Тот сначала сумел удержать равновесие, пошире расставив ноги, но, отступая назад, наступил на край одеяла.

Тут бы и бессмертный не устоял.

Всё случилось в одно мгновение. Когда Ли Вэй, опрокинувшись навзничь, рухнул на кровать, он ещё какое-то время смотрел перед собой с лёгким недоумением и думал, что Тоб всё-таки замечательный пёс: в таком юном возрасте и вес у него выдающийся, и память отличная.

— Ау-у, ау-у!!

Тоб зарылся под одеяло и ткнулся мордой в лицо Ли Вэя. Дрейтон поспешно подошёл, откинул одеяло и спросил:

— У тебя с рукой всё в порядке?..

Дальше все звуки разом пропали.

Ли Вэй был занят тем, что успокаивал Тоба. Щенок так разошёлся, что мелькал перед глазами смазанным пятном. Ему стоило немалых усилий добиться, чтобы Тоб наконец сел на кровати, высунув язык и тяжело дыша. Ли Вэй обернулся — и увидел, что Дрейтон неподвижно застыл у кровати, точно статуя.

В руках у него всё ещё был пакет с едой навынос.

Пакет этот совсем не вязался с его обликом. Сегодня на Дрейтоне был тёмно-синий костюм и

тёмно-красный галстук; треугольник у воротника лежал безупречно ровно, отчего весь его вид казался до крайности официальным. И выражение лица у него было не столько растерянным, сколько ошеломлённым, как у человека, которого что-то испугало.

Ли Вэю очень нравились чуть опущенные внешние уголки его глаз по обе стороны от высокой прямой переносицы. Они смягчали суровые черты Дрейтона, так что, когда тот искренне улыбался, выглядел одновременно красивым и не таким уж бессердечным. Иногда из-за них он даже казался замкнутым и ранимым, и у Ли Вэя от этого невольно смягчалось сердце. Но сейчас в этих глазах была одна пустота, ни проблеска мысли.

Всё, конец. Неужели проклятие всё-таки сделало его идиотом?

И где тогда Федерации взять нового чиновника из Бюро безопасности?

Может, самому пойти на повышение и занять его место?

Пока эти мысли крутились у него в голове, Ли Вэй помахал рукой перед глазами Дрейтона и, напрягшись, обеспокоенно спросил:

— Ты в порядке?

Дрейтон не ответил. Ли Вэй убрал со лба чёрные волосы, наклонился и легонько похлопал его. Тот не сопротивлялся и послушно опустил на стоявший рядом стул, обеими руками прижимая к себе пакет с едой.

Ли Вэй спросил ещё раз:

— Ты в порядке?

— Я... — Дрейтон запнулся, отвёл взгляд и, уставившись в пустоту, сказал: — Я не знаю.

— Не знаешь?

— По-моему, у меня галлюцинации. — Дрейтон дважды стукнул себя ладонью по лбу и сбивчиво проговорил: — Я правда не знаю. Не спрашивай.

Ли Вэй подтащил стул, сел на него верхом, положив руки на спинку, распаковал один из контейнеров, зачерпнул ложкой салат и поднёс к губам Дрейтона.

Дрейтон послушно открыл рот.

Раз может есть, значит, всё не так плохо. Ли Вэй лёг подбородком на спинку стула и с улыбкой спросил:

— Что ты там увидел, раз решил, что у тебя галлюцинации?

— ...Закат. Лавандовый, как рябь на воде. — Дрейтон ответил лишь спустя долгое время. — И кого-то, залитого этим закатным светом.

Ли Вэй скормил ему ещё ложку салата.

Дрейтон посмотрел на бинт у него на руке и постепенно пришёл в себя:

— Дай ложку. Дальше я сам.

Ли Вэй поднял контейнер с едой над головой и сказал:

— Сперва скажи, кто был залит этим закатным светом.

Дрейтон хотел что-то сказать, но осёкся. Он молчал, а Ли Вэй не возвращал ему ложку.

Дрейтон не спорил и не тянулся отбирать её, просто положил руки на колени. Спустя долгое мгновение он поджал губы, потом улыбнулся, наклонился вперёд и поцеловал Ли Вэя в щёку.

— Ты, — ответил он.

Слова автора:

Дрейтон: Странно. С чего это у меня голова кругом?

<http://bllate.org/book/17014/1724995>